

ВЛАСТЬ И ЕДИНИЦА

МАРЕК НОВИЦКИЙ, ЛЕКЦИЯ

Введение

...Нашу лекцию я хочу составить из двух частей. В первой части я коротко расскажу, как мы начинаем работу в области прав человека, как мы встречаемся с людьми, которые вообще ничего не знают о правах человека, и если это первая встреча, то о чем мы тогда с ними говорим. И это, по-моему, потому важно, что многие докладчики, которые приезжают к нам из стран Запада, не до конца, не всегда понимают, какие у нас проблемы с либеральным пониманием прав человека.

Потом, во второй части, я хочу вам рассказать о том, чем мы занимаемся в области просвещения и исследования, и показать те проблемы, с которыми мы встретились во время попыток обучения правам человека в странах Восточной и Центральной Европы.

Когда встречаешься с людьми, первое, что нужно сделать - это определить основные понятия. К нам часто приходят журналисты и говорят: «Вроде есть уже демократия, в чем же заключается ваша работа? Зачем нужны права человека?» Они понимают, что демократия - это когда управляет большинство. Это чистое заблуждение. Это уже было когда-то, и результатом этого было то, что большинство забывает о проблемах отдельных людей - меньшинств. Появлялись очень серьезные проблемы с защитой отдельных людей.

Это не так, что депутат в Думе может поднять руку и сказать, что завтра мы вешаем всех цыган или выгоняем татар из Крыма, или что мы возьмем машины у людей, у которых есть машины, и землю у тех, у кого есть земля. Эта власть не такая большая, власть ограниченная. Состав прав и свобод отдельных лиц - это как раз то, что ограничивает власть большинства.

Что такое права и свободы?

Существует европейская конвенция по правам и свободам человека. Чем отличаются права и свободы? Если я говорю, что у меня есть право на что-то, это значит, что те, у кого есть власть, должны поработать и сделать что-то для меня. Если бы имелось право на работу, то это означало бы, что царь-батюшка или Президент, парламент, министры должны поработать и сделать так, чтобы я нашел работу по своей специальности недалеко от своего места жительства. Если говорится, что есть право на обучение, то это значит, что обязанностью тех, у кого есть власть, является организация системы школ, таких, чтобы я мог послать своего ребенка в школу учиться. Это не значит, что все школы будут бесплатные, что государство должно за все платить. Но правительство ответственно за то, чтобы такая система работала.

Если у меня есть право на что-то, значит, есть обязанность у власти. Если же у меня есть свобода на что-то, это значит, что есть такой район в моей жизни, в который те, у кого есть власть, не должны вмешиваться. Мое право - это обязанность власти что-то сделать, моя свобода - это запрет ей действовать в какой-либо области.

Часто к нам приходят люди и говорят: «Вы занимаетесь правами человека, помогите мне, меня жена бьет, или - погода нехорошая, или - денег у меня нет». Это не проблемы прав человека. **Права человека - это только то, что происходит между властью и единицей**, это не проблемы соотношения между единицами: мной и моей женой, соседом, ребенком.

Права человека - это только когда с одной стороны - власть, а с другой - человек, подчиненный этой власти. В каком-то смысле можно употреблять язык прав человека в отношениях между школьником и директором, родителем и ребенком, потому что здесь тоже есть какая-то власть, но отношения между равноправными партнерами не могут быть описаны на языке прав человека. Были такие попытки, но они оказались неудачными. И теперь, если кто-то говорит о правах человека, то он имеет в виду отношения единица-власть.

Об основных понятиях теории прав человека

Если строить теорию прав человека, то нужно взять за основу какие-то понятия. Никакой науки нельзя построить, пока не приняты основные понятия. Нельзя построить физики, если не принять того, что все понимают, что есть время, длина, масса. А потом уже определить, что такое скорость, ускорение и прочее. Нельзя построить математики, пока не дано точное определение, что такое множество. А потом на основе этого можно строить математику.

Так, основным понятием теории прав человека является **человеческое достоинство**. Я не в состоянии дать этому понятию четкое определение. Это - достоинство, которое есть у всех. И у ребенка, который только что родился, и у того, кто сидит в тюрьме. Потому что они - люди. Как это получается? Объясняется по-разному.

Например, для христиан. Они будут думать согласно трудам святого Томаса, где говорится, что человек похож на своего Бога и из этого получается, что часть достоинства Бога переходит к человеку. Кто-то может перенести это человеческое достоинство из другой религии, но интересно то, что если пройти этот путь, то получается список прав и свобод, который мало зависит от того, какую религию мы взяли вначале за оправдание этого человеческого достоинства.

Я не до конца понимаю, как это получается, что права человека одинаковы и что они слабо зависят от философии и религии, но такое явление можно зафиксировать. Еще имеется другое понятие - **личное достоинство**. Это достоинство появляется и растет у человека, когда он хорошо ведет себя. Если он поступит плохо, он может его потерять. Но не об этом речь. Речь идет о человеческом достоинстве, которое есть у всех нас.

Отношения «человек-власть»: три типа мышления

Права человека - это соотношения человек-власть. История знает три способа, как эти отношения можно организовать.

Первый способ. Власть дарит какие-то права и свободы подчиненным гражданам. Власть - хорошая, добрая, и вот она нам подарила свободу высказывания, свободу совести и т.д. На таком принципе были основаны все коммунистические конституции. Например, конституция 1831 года. Итак, **первый тип мышления: наши права - это подарок власти**.

Есть и другой подход, связанный с мышлением французской революции. Он появляется в Европе в конце 18 века. Это - **общественный договор**. Есть люди, и есть власть. И люди, и власть говорят: «Давайте договоримся. Я, человек, буду что-то делать для власти. Например, если будет надо, пойду на войну или буду оплачивать налоги. А власть будет

делать что-то для меня - гарантировать мои права и защищать мою свободу». И такой договор оптимален и для власти, и для людей. Это **второй тип мышления**.

Есть еще и **третий тип**. Он появляется тоже в конце 18 века в США, где **люди приходят к выводу, что хорошо было бы организовать государство**. Государства нет, и надо его создать. У людей есть права и свободы, которые возникают из их человеческого достоинства, потому что люди - это люди. Итак, люди организуют государство, и чтобы оно вообще могло действовать, они передают ему часть некоторых своих прав и свобод. То есть ограничивают свои права и свободы. К примеру, человек ограничивает свое право на собственность и оплачивает налоги, потому что если у государства не будет денег, оно не сможет действовать. Или приходят к выводу, что если надо будет умирать за родину - пойдут умирать за нее, поскольку страна без защиты существовать не сможет. **При этой системе у власти есть столько прав, сколько ей передали люди**. В отличие от первого типа мышления, где у людей было столько прав и свобод, сколько царь-батюшка им дал.

Посередине - договор равных партнеров. И это не есть чистая теория. В школе по правам человека мы даем студентам примеры, объясняем какой-то случай, какое-то событие, даем им юридическую норму и обсуждаем, как нужно решить проблему, используя этот закон. Исходя из мышления, что у власти столько прав, сколько люди ей дали, а у людей столько прав, сколько им дала власть. Это и есть договор. Решения получаются разные, в зависимости от того, как мы думаем.

Свобода и равенство: три точки зрения

Из понятия человеческого достоинства выводятся два основных понятия: **свобода и равенство**. И опять появляются проблемы. Включаете вы телевизор, и там появляется какой-то политик и говорит, что он любит равенство, он - за равенство. Тогда нужно посмотреть, какой партийный билет у него в кармане, потому что от этого зависит то, о чем он говорит вообще. Если этот политик - **коммунист**, то он представляет мышление, которым было переполнено польское телевидение лет 15-20 тому назад. Это была такая толстая баба, которая часто выступала и говорила: **«Ведь у всех те же самые желудки, все должны получать одно и то же. Равенство - условие жизни»**.

Если о равенстве говорит **социалист** (я имею в виду социалистов Западной Европы), он думает, что у людей должны быть равные шансы, одинаковые возможности. Потом один будет много работать, заработает много денег и займет высокий пост. Другой не сможет, и жить ему будет хуже. Но вначале **нужно дать одинаковые возможности всем**. Это равенство с точки зрения социалиста. Но нельзя забывать, что если зайти слишком далеко, могут начаться проблемы. В начале двадцатого века европейские социалисты пришли к выводу, что не нужны законы о наследстве. Если ваш отец был способный, много работал, получал большие деньги, а мой ленился и работать не хотел, то получается, что у вас, как его наследника - много денег, а у меня нет. Почему вам должно быть легче? Может быть, надо выбросить законы о наследстве? Но мы чувствуем сразу, что зашли слишком далеко.

И есть третий тип понимания равенства. Это **либеральный тип**. Для либералов **равенство - это равенство законов и равенство первенства**. Равенство законов - это понятие, очень близкое к запретам дискриминации. Это буквально то же самое.

Равенство как запрет дискриминации

Что такое запрет дискриминации? Это **запрет биологически необоснованного разделения людей**. Пример: закон, который говорит, что татарин или блондинка не могут водить машину, - это дискриминация татар и прекрасных блондинок. Но закон, который говорит, что слепой не может водить машину, - это не дискриминация, потому что имеется сильное физиологическое обоснование этого закона. И разные документы по правам человека, разные международные конвенции о правах человека перечисляют разные черты, по которым не позволено различать людей по национальностям, религиям, и прочее, и прочее.

В коммунистических конституциях никогда не появляется запрет дискриминации по поводу политических взглядов. Потому что система была такого типа, что этого запрета внести было нельзя. Я не буду развивать эту проблему. Если законодательство запрещает дискриминацию, там не будет таких слов как мужчина, женщина, татарин, русский, поляк, православный, католик и т.д. Если появляются в законах слова такого типа, то уже включается звонок: «Очень вероятно, что такой закон - дискриминация». Едва ли можно оправдать введение в законодательство таких слов.

В Польше у нас есть целая куча проблем с дискриминацией. Возьмем самый простой пример: мужчина-женщина. Я не знаю, как в других странах, а у нас есть такой закон, что женщина может уйти на пенсию, когда ей исполнится 60, а мужчина, когда 65. Это вообще непонятно. Женщины не только более хорошие и правильные, чем мужики, но они и живут дольше, они более здоровые. И почему они уходят на пенсию раньше - непонятно. Во-вторых, в Польше молодой человек может жениться, когда ему исполнится 21 год, а девушка может выйти замуж в 18. Откуда эта разница? Я посмотрел, что говорилось в нашем парламенте для принятия этого закона. Оправдание было такое, что представители армии говорили, что у них есть проблемы с женатыми молодыми людьми, идущими в армию. Они очень хотят вернуться домой. Значит, нужно поднять возраст, в котором молодые люди могут жениться, и проблемы не будет. В нашем законодательстве есть и совсем дурные запреты: женщина в Польше не может водить автобус, а только трамвай. Несколько лет назад, когда начиналась война в Персидском заливе, я поехал на какую-то конференцию по правам человека. Там местные жители организовали манифестацию у американского посольства, чтобы эти ужасные американцы не беспокоили прекрасного Хуссейна. Я пошел посмотреть (я люблю смотреть на такие авантюры) и увидел, как норвежская полиция разгоняет эту манифестацию. Это были такие большие лошади, у них были пластиковые прозрачные шлемы на головах. На лошадях восседали полицейские в таких же шлемах. Это были как мужчины, так и женщины. Вы бы видели, как эти дамы работали дубинками! Прелесть! В Польше в это время в подобных подразделениях полиции женщин не было. Видно было, что это чистейшая ерунда. Справляются великолепно. Я мог бы продолжать, но я думаю, что даже закон, который говорит, что женщина, родившая ребенка, имеет право на какой-то дополнительный отпуск, если сформулировать его так, что любой человек, который родил ребенка, имеет право на дополнительный отпуск, не стал бы от этого хуже.

Итак, я говорил о равенстве прав с точки зрения либералов.

Есть другой вопрос - равенство перед законом. Чтобы суд, чиновник относились одинаково ко всем людям. И этого не получается. Нигде в мире не получилось организовать такой системы, чтобы и богатый, и бедный человек, если их поставят перед судом, имели равные возможности. У богатого всегда адвокаты будут получше. Можно применять разные способы, чтобы уменьшить эту проблему, но до сих пор никому в мире не удалось полностью ее решить.

Это было несколько слов о проблеме равенства, о трех типах понимания равенства: равные желудки, равные возможности и равные законы.

Что же такое «свобода»

Второе понятие, которое непосредственно вытекает из понятия человеческого достоинства, это понятие **свободы**. И здесь опять появляются проблемы. Потому что слово «свобода» для разных людей может означать совсем разные вещи. Это имеет исторические корни. Просто в конце 18 столетия, когда в самом деле начинаются разговоры о правах человека, в Америке была такая обстановка, что люди шли на запад, где было сколько угодно свободной земли (если, конечно, не вспоминать об индейцах). И зачем людям было нужно государство? Государство нужно было для того, чтобы, во-первых, оно защищало от внешнего врага - значит, организовало бы армию, во-вторых, чтобы оно защищало от внутреннего врага (преступников) - организовало бы шерифа, который будет меня защищать от бандита. И, в-третьих, нужно было организовать судебную систему, чтобы судья осудил, повесил этого бандита. И ничего больше. Любые более широкие действия государства только ограничили бы возможности людей развиваться в то время. Чем меньше прав у государства, тем лучше я могу развиваться, тем лучше мне будет жить. Здесь влетает проблема счастья. В Декларации Независимости США уже появляется право стремиться к счастью. Но стремиться к счастью, не мешая другому.

В это же время обстановка в Европе совсем другая. Нет свободной земли. Люди работают на земле, которая принадлежит другим лицам, люди подчинены экономической, а иногда и судебной власти. И люди думают: «Эх, если бы царь-батюшка знал, что эти сволочи со мной делают, он бы пришел и дал мне свободу». появляется ожидание того, что государство даст мне свободу, что свобода не от государства, а через государство. Что самая безухая власть придет и даст мне свободу от тех, кто угнетает меня непосредственно. Это совсем другое понимание свободы. И если посмотреть на законы Французской революции, с этим связан совершенно другой подход к счастью. Право на счастье. Не право стремиться к счастью, а право на счастье. Это значит, что государство должно сделать меня счастливым. Но уже потом историки узнали, что несколько раз власть приходила к выводу, что она знает, что нужно сделать, и даже пыталась сделать счастливыми людей. Каждый раз получалось что-то не очень хорошо.

Итак, **если мы говорим о правах человека, мы употребляем понятия свободы и равенства с либеральной точки зрения.**

Правовое государство

Еще одно очень важное понятие для прав человека - это понятие правового государства. Это понятие тоже всегда появляется в начале разговора. Особенно в некоторых странах, которые появились после распада СССР. И в других странах бывают большие проблемы с тем, что это определение очень трудно для понимания. Самое простое определение (а я знаю их около 70): правовое государство - это такое государство, в котором человек может с большой вероятностью сказать, как ответит государство на его действия. То есть, если я сделаю что-то, то ответ государства будет именно таким, а не каким-либо еще. Эти законы взаимодействия государства и единицы понятны и однозначны. Нет проблемы с тем, что если я сделаю что-то, то один Бог знает, что в ответ на это сделает чиновник. Если я сделаю А, то чиновник сделает В, а не С и не D. Это - правовое государство.

Я часто использую такой довольно простой пример из истории Индии. Англичане запретили жителям Индии варить соль. И когда-то на берегу сели 10 индусов и стали, не скрываясь, варить соль. Пришли полицейские, взяли их за уши и отвели в тюрьму. Через день на берегу океана сели 100 индусов и стали варить соль. Пришли полицейские и отвели их в тюрьму. На следующий день на берегу сели 10000 индусов и стали варить соль. А англичане отменили закон. Почему? Потому что невозможно посадить такое количество людей в тюрьму. И они все варили соль, поэтому нельзя было одного посадить в тюрьму, а другого не посадить. Значит, такой закон действовать не может, потому что это нарушает принцип правового государства, а Великобритания была правовым государством. А как это произошло бы в коммунистической стране? В первый день, когда сидели 10 индусов, пришли бы милиционеры, всех избили, 6-х посадили бы в тюрьму, а 4-х отправили домой, и все бы думали: «Черт их знает, почему они их отпустили?» А еще дополнительно посадили бы в тюрьму 3-х человек, которых вообще не было на берегу океана, чтобы все боялись. Неизвестно, варю я соль или нет, если власть захочет - посадит, не захочет - не посадит. Потому что коммунистическая страна - не правовое государство, и это очень важно для защиты прав человека.

У нас в последнее время были очень странные законы. Например, кто-то собирал деньги, чтобы поехать в Германию и купить себе машину. Наконец-то собрал, поехал, купил машину, приехал на границу и здесь узнал, что таможенный налог вчера стал в 10 раз больше. И деться ему некуда, и вообще ему проще выбросить эту машину, чем платить. Это тоже не правовое государство - человек не знает, что сделает власть, что произойдет в будущем. Проблема правового государства касается не только полиции и уголовного законодательства, но еще и ежедневной жизни. Мы должны знать законы и верить, что государство будет их соблюдать.

Права и обязанности

Еще одна очевидная проблема, которая тоже возникает довольно часто. В большинстве наших конституций права и обязанности появляются вместе. Вот часть польской конституции, которая говорит о моих правах. Она называется: «Права и обязанности граждан». И школьные законы говорят: «Права и обязанности ученика». Под этим подразумевается, что если ты будешь выполнять свои обязанности, то мы, власть, будем гарантировать твои права. С точки зрения прав человека это чистейшая ерунда. Почему? Мои права и свободы есть у меня потому, что я - человек. Они возникают из моего человеческого достоинства. Мои обязанности перед государством действительно есть, но это совсем другая проблема. Они - результат того, какое государство мы построили, какие права мы ему передали. Здесь нет этих философских основ, и **у меня есть права и свободы независимо от того, выполняю я свои обязанности или нет.** Государство может меня наказать, если я не буду этого делать, но права от этого не зависят.

Если уж говорить об обязанностях (я ухожу в сторону, это не относится к правам человека), то можно очень коротко сказать, сколько этих обязанностей. Их всего-навсего четыре. **Первая обязанность - это платить налоги.** Если я не буду платить налоги, то государство не сможет выполнять свои основные действия: организовывать армию, полицию, суд. **Вторая обязанность - это защищать родину.** Если я - гражданин моей страны и кто-то ей угрожает, то я обязан ее защищать. Это не обязательно означает, что мне надо взять «калашникова» и пойти стрелять. Защищать можно по-разному, но это моя обязанность - включиться каким-то образом в защиту родины.

С третьей обязанностью уже более сложно. Некоторые говорят, и они не правы, что гражданин должен выполнять закон. Это не так. Гражданин имеет право нарушать закон. Я думаю, что большинство из нас в коммунистическое время нарушали закон. Все революции, вся подпольная деятельность - это было нарушением закона. Но я, когда нарушал законы моей страны, чувствовал, что я выполняю гражданский долг, что мне надо нарушать эти законы, и это справедливо. Но это было чуть-чуть по-другому, потому что я думал, что правительство, которое было в моей стране, - это не мое правительство, что моей страной управляет кто-то не тот. А здесь речь идет о демократической стране. Тут тоже можно нарушать законы, но это целая теория сопротивления незаконной власти. И если я чувствую, что я здесь живу, что это **моя** страна, что это демократически исправная власть, но в моей стране есть какой-то закон, с которым я не согласен, мне он не нравится, я думаю, что он аморальный и что он вреден людям, тогда я могу пойти и официально стать нарушителем этого закона, но **моя обязанность - подчиниться решению суда.** Это - моя гражданская обязанность. А другие будут смотреть, что я сижу в тюрьме, все больше и больше людей будут обращать на это внимание, будут выступать против этого закона, и закон поменяется. Мы не скрываемся, мы нарушаем законы, которые считаем плохими, но подчиняемся решению нашего суда. Многие из нас скрывались, но у нас было оправдание, большинство из нас думало, что правительство наших стран - это не наше правительство, и это оправдывало то, что мы не шли в тюрьму, а просто пытались спрятаться.

И последняя, **четвертая гражданская обязанность. Это уже просто. Свергнуть власть, которая нарушает права человека.** Если путем демократических выборов или каким-то другим путем к власти пришли люди, которые нарушали права граждан, которые действовали в свою пользу, а не служили людям, то нужно свергнуть такую власть. Это тоже обязанность гражданина. И интересно то, что в первом варианте французской конституции появляется эта обязанность гражданина свергнуть власть, которая начнет служить самой себе, а не гражданам. Потом, со временем, это исчезает, и сейчас во французской конституции этого уже нет.

Это были все гражданские обязанности. Больше никаких нет. Есть обязанности по отношению к жене, к соседу, но это уже другой тип обязанностей.

Социальные права

Очевидная проблема, которая часто появляется, когда мы говорим о праве на справедливый суд, о свободе высказывания и прочем. Люди, которые приходят к правозащитникам, говорят о праве на труд, о праве на квартиру, о социальных правах. А социальные права - это что-то совсем другое. Личные, гражданские права возникают из человеческого достоинства, а социальные права - это результат общественного договора. Господа министры, депутаты, президенты очень тяжело работают, зарабатывают деньги, а потом с полочки хотят дать нам эти деньги, построить школы, квартиры. Мы зарабатываем деньги и непосредственно оплачиваем налоги. И когда мы говорим в Центральной и Восточной Европе о том, какие права должны быть у граждан, надо бы сделать это честно и спросить у людей, чего они хотят. Вы заработали 1000\$ и в конце месяца получили их зарплатой. Вы сейчас можете взять 100\$ из этих денег и отдать государству, и ожидать, что когда придется отдать ребенка в школу, то государство будет платить за обучение. Я могу отдать еще 100\$, а могу сказать, что я не дам, и если придется учить ребенка, я сам буду платить за его учебу. Могу вытащить еще 100\$, отдать г-ну президенту и ожидать, что если я заболею, то мне не надо будет платить за врача. Можно договориться и по-другому: эти 100\$ останутся у меня в кармане, но если я буду болен, то сам буду платить врачу. Могу еще 50\$ вытащить и ожидать, что лекарства будут бесплатные, или могу оставить деньги у себя и покупать лекарства сам. Могу отдать еще больше и ожидать, что будет дом отдыха, но это уже дело договора. Это все делается на наши деньги, и это наше дело, сколько денег мы отдадим государству, чтобы оно что-то нам гарантировало, а какой частью хотим распоряжаться сами.

И почти никто в наших странах даже не пытается сказать, какой договор он хочет составить. Но если у людей спросить: «Вы хотите, чтобы были бесплатные школы?» - «Да, хотим!» - «Вы хотите, чтобы у вас была хорошая квартира?» - «Да кто б не хотел?!» А еще, чтобы машины всем дали? Красные и зеленые. Все за социальные права. Я не против социальных прав. Некоторые социальные права должны быть и должны гарантироваться в наших странах, но это должно быть вполне сознательно, чтобы люди знали, что если платить 30%, то это обеспечивает только армию и полицию, или они согласны платить 40%, чтобы были бесплатные школы. Или 60%, тогда будет еще и бесплатное здравоохранение.

Что такое безработица?

Я лично думаю, что в наших странах мы не можем допустить того, чтобы кто-то помирал на улицах от голода или нехватки основного медицинского обслуживания, если он действительно не в состоянии заработать. Если безработица не искусственная, как в наших странах, а такая, что люди действительно не могут найти никакой работы. В Польше безработица 14% - самая высокая из всех стран Европы, но эта безработица такого типа, что люди не в состоянии найти работы, которая соответствует их образованию. Это не значит, что они не могут найти **никакой** работы и вообще не могут заработать денег. Они просто не находят той работы, которой хотели бы заниматься. Тогда у меня есть сомнения, стоит ли платить заработанные мною деньги этим людям. Но если кто-то на самом деле не может работать? Если я проверю, что он не может заработать денег и не выживет, то я думаю, что у меня есть долг вытащить портфель и дать ему эти деньги. Мы должны гарантировать право на выживание людям, которые действительно не в состоянии работать, но мы должны проверить, так ли это на самом деле. Еще я думаю, что мы все должны платить за школы, чтобы дети могли учиться. Это - первое социальное право, которое в конце 18 века появляется, как право человека. И сейчас многие теоретики говорят, что это право - не социальное, а личное и что оно возникает из человеческого достоинства.

Когда мы говорим о правах человека, мы упоминаем материальные права. Это право на жизнь, свободу высказывания, школу и прочее. Мы все воспитывались в странах, где по конституции мы знали, что хотя у нас и есть какие-

то права, все это - чистейшая ерунда. И если я пойду к чиновнику и буду говорить о своих правах, то он заболит от смеха. Это совершенно бессмысленно. Я знаю, что правительство моего государства подписывает какие-то международные документы, которые говорят о моих правах. Это просто игрушка в руках политиков, нужная лишь для того, чтобы их лучше принимали в международных салонах. А чтобы я мог применять свои права - это просто казалось фантастикой.

Процессуальные права

Очень важна другая группа прав. Это процессуальные права. Процессуальные права позволяют заставить тех, у кого есть власть, выполнять свои обязанности на самом деле. Чтобы они не вмешивались в мои свободы, чтобы эти права были на самом деле реальны, чтобы они действовали. И это реально. Я попробую сейчас только коротко перечислить некоторые из этих процессуальных прав. Самые важные - это независимые суды. И во всех наших странах такие суды есть. Несколько лет назад на семинаре, когда мы определяли стратегию на ближайшие годы, один из коллег вдруг сказал, что если вы считаете, что права человека возникают из человеческого достоинства, так возьмите кусок бумаги и напишите, когда вы чувствуете, что ваше достоинство нарушается. Ну вот, мы написали, собрали бумаги, и вдруг получилось, что большинство из этих случаев - одни и те же. Когда мне надо идти к чиновнику и что-то с ним оформлять, когда надо встречаться с дурным чиновником, который не знает своих обязанностей и закона, который не хочет исполнять закон, - это нарушает мое достоинство и право. Не высокая политика, а эта ежедневная работа с чиновниками.

Административные суды - это суды, которые проверяют решения чиновников, были ли они приняты согласно закону. Суд не разбирается, было ли это хорошо или плохо, это - дело чиновников. Суд только смотрит, имел ли чиновник право принимать такое решение. Это очень важный инструмент в защите прав человека. Обычные суды - это суды, которые будут защищать меня перед полицейскими или прокурором, или каким-то насилием со стороны власти. Гражданские суды защищают мою машину, семью.

Ответственность чиновников

Есть один важный инструмент, который действует во всех странах Запада, но в Польше этого нет. Я говорю о чиновниках. Это **непосредственная ответственность чиновника за нарушение прав человека**. Если я пойду к чиновнику и он нарушит какое-то из моих прав, записанных в конституции, я могу пойти в суд. И если суд придет к выводу, что я прав, что на самом деле нарушены мои права, ему придется платить. Нет, не государство, и не кто-то другой будет платить, а если суд решит, то чиновник должен заплатить мне компенсацию, потому что он нарушил мои права. Это практически единственная техника, которая разработана в мире для защиты граждан перед чиновником, потому что чиновник знает, что если он не даст мне вовремя запрошенного паспорта и я не успею на свадьбу моей тещи в Париж, то он нарушит мои права. И если он это сделает, то месяца через 3 придет и скажут: «Дорогуша, считай, что этих «Жигулей» у тебя уже нет, телевизор мы тоже возьмем, потому что нужно дать компенсацию человеку, с которым ты плохо обошелся». И этот чиновник думает уже по-другому. И люди, которые к нему приходят, тоже чувствуют себя совсем по-другому. Я сказал, что во всех демократических странах это действует, но результат не такой, что проходят целые тысячи судов над чиновниками, а чиновники бегут. Только меняется соотношение, меняется мышление чиновников и обычного человека. В Польше был такой закон после второй мировой войны, но коммунисты его выбросили, говоря, что это очень деликатная проблема и за человеческое достоинство нельзя платить деньги. Деньги, мол, - это что-то грязное, и человеческое достоинство нельзя мерить деньгами. Но результат был такой, что если нарушали чьи-то основные права, то чиновники не были ничего должны этому человеку. Это очень удобно для властей.

Гражданский референдум и гражданская законодательная инициатива

Еще один очень важный инструмент - это гражданский референдум и гражданский законодательный комитет. В чем же дело? Просто испортилась демократия. Эта классическая демократия, в которой есть три власти: исполнительная, законодательная и судебная, которые были независимы, раздельны и контролировались друг другом. Если одна из властей портилась, то две другие били ее по рукам и наводили порядок. Это когда-то работало, пока слишком много людей не получили избирательные права, и в результате получились политические партии. Раньше люди голосовали за определенного человека, люди знали, кто это такой. Но вот появились партии, и мы уже голосуем за политические партии, не зная, кто это и что это. И сейчас обстановка в России и Европе такая, что на выборах выигрывает какая-то партия, которая получает большинство мест в парламенте. Во всех европейских странах парламент устраивает правительство и исчезает различие между исполнительной и законодательной властью. Те же самые Саша и Маша и принимают, и выполняют законы. Это классический пример «испорченной» демократии. Как с этим бороться?

Инструмент, созданный для этой цели, - гражданский референдум и гражданская законодательная инициатива. Гражданский референдум заключается в том, что какое-то количество людей приходит к выводу, что какой-то закон несправедливый, аморальный и надо выбросить такой закон. И они подписывают под требованием референдума. Это зависит от численности населения страны - чтобы потребовать такого референдума мирового стандарта, нужно собрать пятьсот тысяч подписей. Если вы собрали эти подписи, то будет референдум, а решение референдума - окончательное.

Есть элемент непосредственной демократии, который может исправить, в какой-то степени, обстановку, когда три власти, которые должны быть разделены, сливаются. Депутаты гуляют, смотрят, как солнышко светит, и не хотят заметить какой-то важной проблемы, не хотят работать над каким-то законом. Тогда если сто тысяч граждан распишется под проектом закона, то парламент должен в определенное время рассмотреть этот закон. Закон принимается парламентом, депутаты могут принять или не принять этот закон, но люди могут непосредственно внести проекты законов в парламент. Это тоже важный инструмент.

Конституционный суд

Конституционные суды. Без них тоже не обойтись. Конституционный суд - это суд, который обсуждает не людей, а законы. Насколько законы, принятые парламентами, согласованы с законодательством, с конституцией. И

важно, чтобы у людей было право ненасильственным путем обращаться в Конституционный суд. В моей стране этого сейчас нет. В Польше группа депутатов, президент могут обратиться в Конституционный суд. Но я лично не могу пойти в Конституционный суд и попросить, чтобы Конституционный суд проверил, насколько закон соответствует конституции и насколько исполнительное законодательство, которое принимает правительство, соответствует конституции.

Право на прямое действие конституции

Это, наверное, одно из самых важных процессуальных прав - право на прямое действие конституции.

Когда я прихожу к чиновнику и говорю: «Дорогуша, ты мне сделаешь то-то и то-то». А он говорит: «Я тебе этого не сделаю, у меня есть приказ министра этого не делать». Тогда я достаю из кармана конституцию и говорю: «Дорогуша, ты это все-таки сделаешь. Мне наплевать на твоего министра. У меня есть конституционное право». И если конституция действительно прямого действия, это значит, что и исполнительная, и судебная власти, если законодательство в данном случае противоречит конституции, должны принять решение, основываясь непосредственно на конституции, потому что конституция важнее всех других законов.

И это причина, по которой американцы рождаются «с конституцией в зубах». Они знают, что положения конституции на самом деле действенны. То, что здесь написано, никто нарушить не может. А наша конституция была просто куском бумаги, который вообще не влиял на нашу жизнь. В книге первого омбудсмана Польши «Зачем конституция людям», в начале, описана такая ситуация - в Москве в ресторан заходит человек, смотрит меню. Подходит официант.

- Котлеты по-киевски, пожалуйста.
- По-киевски - нет.
- Тогда борщ.
- Борща нету.
- Биштекс.
- Биштекса нету.
- Да что, черт возьми, я читаю, меню или конституцию?!

О правах меньшинств

Часто, когда мы занимаемся правами человека в Восточной Европе, появляется вопрос о правах меньшинств. Это очень сложная проблема. Мы начинаем говорить о правах определенных групп людей: о правах нации, о правах социального класса, и т.д. Эта тема не стыкуется с языком прав человека, потому что права человека - это **права единицы**. И законы, которые принимаются только в рамках определенных стран, так же, как и законы международного уровня, которые занимаются проблемами меньшинств, рассматривают, как правило, проблемы лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Если смотреть на международные законы, которые касаются прав человека, то можно найти только одну статью, которая говорит о коллективных правах. Это, как раз, первая статья Международного Пакта о социальных, культурных и политических правах. Она говорит, что нации имеют право на самоопределение. Но проблема в том, что обозначает слово «нация», использующееся в этих документах. Оно настолько сложное, что вообще не развивается в дальнейшем в документах по этой проблеме. И там, где имеются законы, которые говорят о правах меньшинств, говорится не о правах каких-то сообществ, а лишь о правах отдельных лиц, принадлежащих к этим меньшинствам.

Если же говорить о правах нации или о правах определенных групп, мы уходим от языка прав человека и начинаем говорить на языке политики. И это уже совсем другая проблема. Что касается прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и законодательства, которое касается этого... Я хочу только сказать, что и эти законы можно строить, исходя из социалистического понимания равенства, о котором я говорил ранее. Значит, эти законы могут сравнивать возможности и шансы людей, которые принадлежат к меньшинствам, с теми людьми, которые принадлежат к большинству.

Например, в Польше есть свободный доступ к телевидению, радио, кино, книгам. Можно и надо ввести законы, которые дадут возможность доступа к культуре белорусов и украинцев, живущих в Польше. И хотя экономически это не представляет интереса, и никто не заработает на передачах по радио и телевидению на белорусском языке, потому что белорусов слишком мало, - все это должно быть. И мы должны часть налогов, которые мы платим, отдать на то, чтобы белорусы, которые живут в Польше, могли хотя бы время от времени поговорить на общественном телевидении на своем языке. И право на обучение тоже относится к правам меньшинств, поэтому надо ввести какую-то систему, которая позволит всем учиться своей культуре и своим языкам. Но надо быть очень осторожным, потому что если слишком далеко зайти с этой так называемой позитивной дискриминацией меньшинства, то получится, что большинство начнет выступать против меньшинства. Может случиться так, что большинство начнет завидовать меньшинствам: «Почему вы им так много помогаете, почему берете наши деньги, чтобы помогать другим?» Эти возможности можно сравнивать, но ни в коем случае нельзя заходить слишком далеко. Я еще раз хочу подчеркнуть, что права человека, это не права рас и народов, а права отдельных лиц.

Роль общественных организаций

Мы упомянули, разумеется, не все инструменты защиты прав человека, необходимо еще обратить внимание на роль неправительственных организаций. Законодательство, которое поддерживает их действие, очень сильно влияет на уровень защиты прав человека. Потому что в демократической стране власть в руках большинства, и большинство нередко забывает о проблемах разного типа меньшинств. А мы все принадлежим к целой куче разных меньшинств, потому что у всех людей свои проблемы.

Один - мужчина, другой - женщина; один живет около завода, который загрязняет среду (ведь не все живут около такого завода); у кого-то муж алкоголик, а кто-то алкоголик сам. Жена алкоголика будет бороться против магазинов, которые продают водку, а алкоголик будет бороться за магазины, которые ее продают круглосуточно. Есть разные группы интересов, люди больны разными болезнями, и большинство забывает о проблемах меньшинств.

Вместе легче бороться («Grass Roots Activity»)

В странах, где демократия действует уже долго, люди заметили, что гораздо легче бороться, если они действуют вместе. Я наблюдал это в Норвегии. Статистический норвежец является членом 22 или 23 неправительственных организаций. Он не является официальным членом, но как-то подключается к их работе. Это огромное количество организаций - от тех, которые катаются на лыжах, и до тех, которые борются с магазинами, которые продают водку. И очень важно, чтобы законодательство помогало организациям такого типа. Иногда говорится о «Grass Roots Activity», активности «корней трав». Корни у травы легко разорвать, они слабые, но если этих организаций очень много, то они могут объединиться, и получится нечто, что будет очень трудно разорвать, что защищает человека от большинства и от правительства, которое представляет это большинство.

Чем больше организаций такого типа, тем лучше защищены наши права. Одна из проблем, с которыми встречаешься, работая в Восточной Европе, это проблема позитивистского мышления у юристов, которые воспитывались в соцстранах. Мышления, суть которого заключается в том, что судья должен применять закон и он не должен думать о том, хороший или плохой этот закон.

Суд - это третья власть

Наши юристы очень плохо понимают, что суды - это третья власть, которая может и должна контролировать исполнительную и законодательную власть. И мы вообще очень плохо понимаем роль судов в наших странах. Эта проблема существует и в Польше. Если у меня возникнет с соседом ссора по поводу того, что можно и что нельзя держать на лестничной площадке, и если я позову его в суд, то я буду такой сволочью, таким агрессивным человеком! Если бы я набил ему морду, то это было бы мягче, чем пойти в суд. В демократической стране это совсем по-другому. Если вдруг возникает какая-то проблема между мной и моим соседом, то мы приходим к выводу: «Мы платим налоги, чтобы государство организовало нам суд, мы пойдем в суд, и нашу проблему решит независимый судья, а мы подчинимся этому. Зачем нам спорить? В это время мы можем пойти вместе «на водку», погулять и не выступать друг против друга.» В наших странах суд - это враг, потому что суд всегда представлял интерес власти против граждан. Нет такой традиции, такого мышления, что суд действует в пользу человека, что это инструмент, который помогает нам жить, смягчает трения между людьми, и употреблять его действительно удобно. А у судьи нет чувства, что он важен людям.

Несколько лет назад я проводил занятия с судьями из Польского Верховного Суда, и в какой-то момент я начал говорить о том, насколько важна их роль. Сказал, что они важны, как министры, а может, даже важнее, потому что министр сегодня есть, а завтра его выбросят и придет кто-то другой, а вы, судьи Верховного Суда, до пенсии будете этими судьями, которые будут контролировать законодательство и парламент, исполнительную власть. Они смотрели и удивлялись: «Да? Мы на самом деле настолько важны?» Они как будто не верили, что судебная власть - это третья власть, которая равна всем другим, а может, и важнее их. В каком-то смысле и важнее, потому что если взять европейскую конвенцию, то там говорится о свободе высказывания и об ограничениях. В конце этой статьи записано, что свобода высказывания может быть ограничена законом для сохранения доброго имени судов. Можете говорить, что хотите о правительстве, что хотите - о парламенте, но будьте осторожны с критикой судов. Страна, в которой депутаты смешны и мы смеемся, когда видим, какие глупости они говорят, страна, где министр дурак и все понимают, что он дурак, - такие страны могут существовать, но страна, где люди смеются над судом, существовать нормально не может. В ней жить уже нельзя, и поэтому защита доброго имени судов должна быть.

Немного истории

Исторически сложилось так, что во время военного положения в Польше была организована группа из нескольких человек, которые решили описывать нарушения прав человека. Это была чисто подпольная группа, которая носила название Хельсинкского комитета и готовила отчеты по обстановке в Польше. В это время отчеты, как правило, составлялись из двух частей. В первой части было сравнение законодательства, которое действовало в Польше, с международным стандартом прав человека и со стандартами, которые приняты в демократических странах. Во второй части было сравнение практики с законом. Я не буду говорить об истории подпольной деятельности до 1989 года.

В конце 1989-го в Польше прошли первые частично независимые выборы и скоро организовалось первое некоммунистическое правительство. Мы оказались в очень сложной ситуации, потому что вдруг заметили, что почти половина членов нашего Хельсинкского комитета - это члены правительства и депутаты. И тогда мы приняли решение, которое было очень важно. Мы решили, что наши коллеги, которые сейчас работают министрами или депутатами, на это время полностью «заморожены», лишены на это время прав членов комитета. Мы можем пойти вечером водочку попить, но мы о правах человека и о нарушениях правительства и парламента говорить не должны, потому что нельзя контролировать правительство и быть членом этого правительства. Нельзя смотреть, насколько законы, которые в результате какой-то политической игры принимает парламент, соответствуют правам человека, и подчиняться фракционной депутатской дисциплине. Это было очень важно, и, надеюсь, защитило нас от того, что произошло с некоторыми похожими группами в других странах, которые не сделали этого. Они просто как-то вошли в политику. Это ослабило и даже развалило эти группы. Я думаю, что мы были, в дальнейшем, на самом деле полностью независимы от политики. Когда кончилось упомянутое мной польское правительство, и некоторые коллеги вернулись опять к нам, то нам пришлось - это не шутка - их перевоспитывать, чтобы они вообще были в состоянии смотреть на то, что происходит вокруг, с точки зрения интереса единицы и прав человека, а не «интереса страны».

Если человек начинает работать во власти, особенно в правительстве, то у него меняется точка зрения, он начинает думать, что интересы государства - самые важные, а мы занимаемся интересами отдельных лиц. Отдельные группы людей должны бороться, и они должны быть как-то отделены друг от друга. И в конце 1989 года члены комитета организовали Хельсинкский Фонд по правам человека. Мы хотели создать что-то вроде независимого института по изучению и исследованию прав человека. В это время в Польше было невозможно создать такой институт, и мы применили форму правового фонда.

Об основных направлениях работы Фонда

Сегодня же наша работа идет в двух направлениях: просвещение и исследования. Об исследованиях я говорить не буду, а что касается просвещения, то оно организовано в рамках Центральной и Восточной Европы и внутри Польши. Около 70% денег, работы, времени уходит на деятельность внутри Польши, а остальные 30% - вне страны. Я думаю, что в будущем мы сможем увеличить объем работы за рубежом за счет некоторых программ, которые мы разработали в Польше и которые могут быть применены и за границей. Только нужно искать деньги.

Несколько примеров международной работы

В течение нескольких лет мы ежегодно организуем в сентябре летние школы по правам человека. Это десятидневные курсы, которые рассказывают о философии и истории прав человека, инструментах и системах защиты прав человека в разных странах, особенно в Европе. Участие в курсах принимают докладчики из Совета Европы, из европейских, американских и польских университетов, люди из неправительственных организаций, депутаты, люди из разных стран, журналисты. Может быть, с этого года мы начнем организовывать зимние школы с более высоким уровнем преподавания, рассчитанные на то, что люди, которые приходят сюда, практически ничего не знают о правах человека.

Организуются разные встречи международного уровня, цель которых - просвещение, хотя в названии этого не сказано. Примерно четыре года тому назад мы сделали первую встречу-конференцию на тему «Инструменты защиты прав человека в конституциях посткоммунистических стран». Участие принимали члены советов конституционных комиссий парламентов нашего региона и эксперты с Запада самого высокого класса. Мы пытались обсуждать вопрос о том, как разные инструменты защиты прав человека и конституция влияют друг на друга. Если дать такие возможности Конституционному суду, то как это повлияет на возможности Верховного суда. Как можно решить этот вопрос, чтобы действовать в пользу единиц? Во второй конференции из этой сферы принимали участие судьи Конституционных судов из Западной и Восточной Европы. Мы обсуждали проблему, что сделать в наших странах, потому что есть очень сильное давление, чтобы ввести в конституцию социальные права. С другой стороны, есть давление, чтобы решения Конституционного суда были окончательными. Если суд решил, что этот закон не соответствует конституции, то нужно убрать этот закон. Из-за этого получается очень опасная обстановка, потому что парламент принимает законы, которые касаются денег, в частности, закон о бюджете. Тогда если у нас есть социальные права в конституции, то, может быть, суд придет к выводу, что эти законы не соответствуют социальным правам, которые записаны в конституции, и может выбросить эти законы. Тогда Конституционный суд может свергнуть правительство, если он отбросит закон о бюджете. Ведь суд может прийти к выводу, что раз в конституции есть право на свежий воздух и чистую воду, а этот бюджет не гарантирует чистой воды и свежего воздуха, то он не конституционный. А если отбросить закон о бюджете, то получится, что суд свергнет правительство, а это уже не роль Конституционного суда, а чистейшая политика.

Подобно этому, мы организовывали встречи для Верховных судов нашего региона, чтобы обсудить проблему, как можно гарантировать независимость судов, какие это мучения для адвокатов, которые в будущем будут выступать перед европейской комиссией, европейским трибуналом прав человека.

С прошлого года мы разрабатываем программу общественного контроля над спецслужбами. Мы начали с того, что пригласили в Варшаву людей из спецслужб Восточной и Западной Европы и США. Это было смешно, с Украины был самый главный начальник украинской СБ, а из США - бывший директор ЦРУ. Первая группа - это были люди, которые работали в спецслужбах, другая группа - люди, которые занимаются тем, что контролируют эти спецслужбы, потому что если их не контролировать, то они обязательно начнут применять уголовно наказуемые действия. Это люди из парламентов и комиссий, которые занимаются этим контролем. В Великобритании есть что-то вроде омбудсмена, который специализируется по контролю спецслужб. Многие люди из неправительственных организаций, которые как-то заинтересованы проблемой прав человека, стремились посмотреть, какой есть опыт контроля спецслужб в демократических странах. Чтобы посмотреть, что из их опыта можно применять в наших конституциях. Это сложно, потому что, если слишком сильно контролировать эти службы, можно заблокировать их действия, а они все-таки нужны.

На международном уровне мы организовывали и потом, может быть, продолжим обучение работе в неправительственных организациях. Проблема в том, что никто этому не обучен. Есть какие-то статьи и книги, но их немного, которые говорят, как можно организовать мониторинг тюрьмы. В последние годы появились какие-то статьи, которые говорят, как можно организовать мониторинг выборов. Но это, практически, все. Насколько я знаю, нигде в мире нет системы обучения эффективным действиям в области мониторинга прав человека.

Люди, которые много лет работали по защите прав человека, никогда не пытались собрать свои специфические знания, объяснить, почему они принимают такие решения и какова техника этих действий. Мы пытались как-то перенести этот опыт на методику обучения, организовывали двухнедельные семинары для польских лидеров неправительственных организаций, потом еще семинар для лидеров неправительственных организаций из посткоммунистических стран. Надо начинать с поляков, потому что если мы сделаем ошибку, то легче будет исправить ее здесь, чем за рубежом. Потом на основании этого опыта мы подготовили книжку на эту тему. Это далеко не все, а лишь примеры того, чем мы занимаемся.

О том, что мы делаем в Польше

В Польше просветительская работа организована в трех направлениях. **Первое - это общественное просвещение.** Для общественного просвещения мы используем телевидение, радио, прессу. У нас есть постоянные программы по телевидению, где говорится о правах человека, хотя сейчас эти передачи перевели только на частное телевидение, но надеюсь, что потом они опять будут, как раньше, на общественном. Программы, как правило, были

организованы таким образом, что мы брали какой-то случай, о котором люди говорили, который был важным. Как готовился фильм, не имеет для нас значения, а важно то, что в студии сидели три-четыре эксперта и обсуждали этот случай, эту проблему, как бы она была решена, если бы это произошло во Франции, Швейцарии, США. А что было бы, если бы это дело рассматривалось Европейским судом по правам человека? Каково было бы решение этого суда? И из этого сравнения законодательств пытались вывести даже философию прав человека. Почему это важно, как это касается достоинства человека и его положения в обществе. Мы разрабатываем телевизионные фильмы по правам человека. Уже разработано десять фильмов. Первые пять - это базис, основа, основные понятия: равенство, свобода, границы власти. Это двадцатиминутные фильмы. У нас есть эти фильмы и на русском, и на английском языке. Последующие 5 фильмов были об определенных правах человека: право на собственность, право на личную жизнь и право, которое очень плохо понимается в наших странах, - свобода слова, каковы ее границы.

Просто перечислять права неважно и бессмысленно, важно говорить о том, где эти права кончаются, где их границы. Что делать, если совмещаются границы двух или трех прав человека, как решать эти проблемы. В некоторых польских газетах и журналах имеются постоянные рубрики для наших статей. Например, в «Жечи Посполитой» - это одна из самых крупных польских газет - есть постоянная рубрика, где мы представляем последние решения европейской комиссии и европейского трибунала по правам человека. Самый лучший результат был, когда в четверг было принято решение европейского суда, а в пятницу уже была статья об этом. Есть также постоянные рубрики в специализированных журналах, например, в «Палестра». Это журнал, который получают все адвокаты и прокуроры Польши.

Может быть, стоит еще обратить внимание на работу нашей молодежи. Группа молодых людей, которые сотрудничают с нами, - это последние классы школ и студенты университета. Они издают журнал «Полис». Полностью он называется: «Полис, журнал об искусстве общественной жизни». И этот журнал полностью подготовлен молодыми людьми. Он на очень высоком уровне говорит о демократии, правах человека, политике с точки зрения того, как можно организовать страну, а не о том, кто из политиков Польши симпатичнее. Они пишут свои статьи, они заказывают статьи у разных ученых или других умных людей, но они сами решают, какую статью и у кого надо заказать. Кроме того, у этой группы есть постоянная радиопередача, по три часа каждую субботу, где молодые люди говорят о демократии и правах человека для молодых людей. Мы в это не вмешиваемся, они сами решают, как и о чем они будут говорить. **Второе направление - это школа по правам человека.** Это, может быть, самая важная программа нашего фонда. Это полгода, двести сорок часов занятий. Кто наши студенты? Они все окончили вуз. Это обязательное условие. Есть юристы, журналисты, учителя, офицеры полиции, судьи, прокуроры, актеры, художники. И очень разного уровня образования, начиная с тех, кто только что окончил университет, до профессоров медицинского института. Докладчики в нашей школе - это самые лучшие лекторы, которых можно найти в Польше. Мы, в основном, хотим подготовить людей, которые будут учить правам человека других. И люди, которые сдадут заключительные экзамены (а это экзамены всерьез, и их, на самом деле, сдают около 60%), могут учить других правам человека не на уровне университета, но, скажем, в медицинском институте, техническом институте, в школе для офицеров полиции или просто учить учителей. До сих пор прошло семь таких школ, а это значит, что на территории всей Польши двести пятьдесят три выпускника, которые кончили эту школу. Из них около 70% - я думаю, что это очень хороший результат, - на самом деле включаются в работу.

Нас просили, чтоб мы где-то организовали местные отделения фонда и мы выступили категорически против этого. Мы предложили им организовать свои неправительственные организации, мы помогали им сначала, но это были самостоятельные неправительственные организации. Потому что я полностью уверен, что сеть независимых неправительственных организаций, которые занимаются правами человека, гораздо сильнее одной большой централизованной организации. Одну организацию всегда можно разбить, может что-то с ней случиться, но такую сеть уже никто разбить не в состоянии. Кроме того, если есть неправительственные организации, это тренировка лидеров, люди не ждут, что откуда-то кто-то придет и им поможет все организовать, а они сами ответственны за свою работу, это им нужно. И наши коллеги в регионах организовали около двадцати независимых организаций. Они совершенно разные, эти организации. Одна занимается обучением ребят каким-нибудь правам, другая занимается правами людей в психбольнице, третья - правами заключенных и - смешно звучит - организует семинары по правам человека в тюрьмах. Мы помогаем им вначале, но со временем все меньше и меньше. Мы помогаем им найти первые деньги, пригласить первых докладчиков, но они должны быть абсолютно независимы. Это второе направление.

И третье направление - это профессиональное просвещение, которое направлено на определенные профессиональные группы. Это началось три с половиной года тому назад, когда школа для офицеров полиции Польши обратилась к нам с просьбой хотя бы начать обучение правам человека их студентов. Мы начали с того, что стали ездить в эту школу и в течение полугода организовывать разные встречи, семинары с отдельными группами людей. С докладчиками, которые работали в этой школе, со студентами этой школы и с офицерами полиции, которые работали на практике. И только после полугода такой работы мы получили представление, что самое важное для полицейских, какие вещи им трудно понять, какие методы мы можем применять и как пробиваться к их сознанию. Тогда мы подготовили первый учебник (а сейчас есть уже и второй) «Права человека для офицеров полиции». И пригласили в нашу школу по правам человека докладчиков, которые работали в разных школах для полицейских. Результат такой, что не во всех, но больше чем в половине школ, где учатся полицейские Польши, есть программа обучения правам человека, есть учебник и есть сотрудник этой школы, который в состоянии учить этим правам полицейских. Затем они уже сами по себе разработали свою программу курсов для обычных полицейских.

Потом ту же самую систему мы применили для сотрудников пенитенциарной системы и сейчас работаем с колледжами, которые готовят учителей.

Очень хорошо получалась программа, по которой мы пытались учить судей и журналистов правам человека. Мы начали с журналистов, людей, которые не хотят учиться ничему. Если кто-то решит организовать семинар для журналистов, то никто просто не придет. Мы решили, что организуем для журналистов такой клуб, куда они могут прийти, встретить очень важных людей, у которых очень трудно просто так взять интервью, сложно встретиться, где они могут послушать разговоры на темы, которые важны для журналистов. Когда п

Еще есть одна программа - это такой тип обучения правам человека, который хорошо разработан в Вашингтонском университете в Джорджтауне. Это очень широкая программа, мы берем из их опыта лишь одну часть, которая касается прав людей, которые принадлежат к таким группам, как молодые наркоманы, молодые воры - людей, которые в конфликте с правом. Это люди, которые, как правило, не знают своих прав, они не знают, что полицейский может с ними сделать, а чего не может. Они не знают, как могут защищаться и как вести себя, когда прокурор ведет дело. Надо идти к людям, которые являются потенциальными жертвами со стороны полиции, прокурора, государства, и учить их, какие у них права. В рамках нашей страны мы попробуем, как пройдет этот эксперимент, как эта программа может развиваться, прокурор может обвинить их в нарушении государственной тайны или в том, что они оскорбили честь какого-то политика, а когда не может, какие у них возможности с точки зрения закона. Среди всех этих разговоров был и разговор, важный для нас. Мы так поработали и заметили, что есть очень много недоразумений и проблем между журналистами и судьями. Пытаясь организовать семинары для судей, мы заметили, что журналисты вообще не понимают, почему судьи не хотят отвечать на некоторые вопросы. Судьи ужасно боятся журналистов. И мы начали приглашать на семинары половину журналистов, половину судей. Результат получился отличный - судьи думают, что мы учим журналистов, а журналисты думают, что мы учим судей. А мы думаем, что учим и судей, и журналистов. Но может быть, мы сами учимся.

Самое важное, что люди приходят и говорят на тему прав человека. Это важно для них.

Вот, более или менее, целый спектр нашей просветительской работы.

Я хочу еще обратить внимание на некоторые нестандартные программы. Те, о которых я говорил, идут уже несколько лет, а есть еще программы, которыми мы сначала занимались, а потом приостановили. Таким интересным проектом была программа, когда мы объявили конкурс на конституцию для средних школ. Чтобы это было интересно, мы, во-первых, учредили большие призы, и участники и школа могли их получить. Потом было жюри конкурса, в которое входили очень известные люди, и для многих это было важно. Туда входили и председатель конституционной комиссии, и председатель Конституционного суда. Конкурс заключался в том, что люди в средних школах должны подготовить конституцию своей школы. В этой конституции должно быть определено, какие права и свободы есть у ребят, у учителей, у директора и у родителей. Потом должна быть разработана система, как можно решать проблемы, когда начинаются нарушения. Например, произошел конфликт между учителями и учеником; или родителями и директором школы. Какая будет судебная система, как она организована, как она будет принимать эти решения, обсуждать конфликты. И, наконец, конституция должна быть принята демократическим голосованием всеми силами, которые принимают участие в жизни школы: учителями, учениками, директором, советом родителей. Рассматривались только такие конституции. И получилось нечто очень интересное. Я был почти уверен, что первые места будут занимать частные школы из Варшавы. Первая частная, хорошо известная школа заняла лишь четвертое место. Первые три места заняли маленькие города, и это на самом деле были самые хорошие конституции. И интересно то, что молодые люди - а это именно они представили работы на конкурс - обращали очень сильное внимание на процессуальные права. Для них было более важно не то, сколько прав будет у них на руках, а то, какие будут системы защиты этих прав. Как можно гарантировать, что это на самом деле будет работать. Появлялись суды, которые рассматривали какое-то поведение учителей. Иногда - и другой суд, который рассматривал отношения между молодежью, но самые важные были суды, которые рассматривали проблемы вертикали «власть-подчиненный». В некоторых местах произошло что-то совсем странное. Это был маленький городок Кожухов около Зеленой Гуры. Там есть одна средняя школа, и разговор о конституции этой средней школы как-то вышел сильно за рамки самого учебного заведения. В работу включились родители, местные власти, начались какие-то городские семинары о правах человека. Потом они пришли к выводу, что сделают Кожухов городом прав человека! Мэр города, подразделения армии, священник, учителя, чиновники местной власти, врач стали вместе организовывать какие-то встречи по правам человека, приглашать людей из Варшавы. Посмотрим, что будет дальше, но вот уже полтора года этот городок живет проблемой прав человека...